

СЧАСТЬЕ НАЙТИ СВОЕГО ГЕРОЯ

ЯРКИЕ блики амурского солнца ложатся на снежные наросты, играют световыми пятнами на причудливо застывших льдинках, радугой расцветивают узоры у темной лунки, где в ожидании застыла блесна. Морозный воздух и эта сверкающая белизна вокруг рожают воспоминания, вызывают образы прошлого. Детство, омраченное семейным разладом. Ушел из дома отец. Среднюю школу окончить не пришлось. После семилетки — ФЗУ. И вдруг резкий, коренной поворот в жизни. 1934 год. Комсомольский эшелон на Дальний Восток. Вагоны переполнены молодыми людьми. И среди них — невысокого роста семнадцатилетний парнишка из районного городка Фурманов Ивановской области.

Ехал строить Комсомольск-на-Амуре. Никакой профессии тогда еще не имел. Была молодость, здоровье, крепкие руки и желание найти себя, свое место в жизни.

Так же четко, наплывом из далеких лет, встают перед глазами эпизоды первой зимы в Комсомольске, с ее трудностями и собственной неспособностью к дальневосточным холодам. Преодолевал, перебарывал все сложности вместе с товарищами.

А вот еще одна страница жизни, пожалуй, одна из самых значительных. Театром увлекался с детства. Началось это еще в станционном любительском театральном коллективе на Дону, куда переехала семья. Девятилетним мальчишкой выходил в украинской драме и говорил: «Мамо, дай хліба». Театр нравился, привлекал своим особым миром, миром прекрасного. В Комсомольске тоже каждый вечер тянуло в клуб. Очень повезло. Заметили на краевом смотре художественной самодеятельности и сразу приняли на второй курс Хабаровского театрально-музыкального училища.

И тут тоже везение: прошел прекрасную школу у таких известных мастеров советского театра, как К. А. Зубов и А. Д. Попов. Оба были, к счастью, в то время в Хабаровске со своими театрами... Так началась жизнь в искусстве... И работал все время здесь, на Дальнем Востоке.

Да, нерасторжимые внутренние связи с дальневосточной землей у заслуженного арти-

ста РСФСР Михаила Федоровича Воробьева. «Край далекий» стал его родиной, его судьбой, поворотной точкой в биографии. Навсегда полюбил он и своеобразие здешних мест. Это его без труда можно узнать среди любителей зритель рыбалки. Впрочем, в любое время года, каждый понедельник, за редким исключением, проводит он свободное от театра время на бесчисленных протоках амурской поймы. Лучшего отдыха ему не надо, за сорок лет может быть только раз выбрался на юг. Свежий таежный воздух, широкие горизонты амурских просторов, тишина — не это ли лучший отдых от суеты повседневных дел, возможность сосредоточиться, углубиться в себя, почувствовать окружающую красоту, чтобы потом, уже опосредствованно, воплотить частицы увиденного, пережитого в своих сценических героях. Как проследить процесс рождения художественного образа, исследовать творческую лабораторию актера? Быть может в единении с природой и кроется секрет его сценической органики?

Кто видел на сцене М. Ф. Воробьева, хорошо знает, что чувство правды — изначальное, основное качество его актерской природы. Что бы ни играл Воробьев, он всегда искренен, достоверен, ему чужда какая-либо фальшь, естественно просто живет он в образе своего героя.

В 1953 году после одиннадцатилетней рабо-

ты в театре Петропавловска-на-Камчатке Воробьев появился на хабаровской сцене в роли Константина Каркунова в спектакле «Сердце не камень» А. Н. Островского. Он сразу привлек к себе внимание острокомедийным решением образа. Прежде всего можно было отметить выразительность его внешнего облика: небольшую шульную фигуру Константина с его смешным, неленым пристрастием к внешнему лоску, хитрые, плутовские глаза — то наглые, то испуганные, каким-то особенным фасоном прилизанные редкие волосы и фигурные усики...

Яркая форма, найденная актером, в то же время была подчинена другой, более сложной задаче — обнажению социальной природы подлости и стяжательства. Нигде не преступая свойственной ему правдивости, Воробьев рисовал человека мелкого, морально ничтожного. Константин менялся на наших глазах: от рабленного, трусливого подхалимства перед богатым родственником он доходил до наглой откровенности и прямого циничного вымогательства — так развивался этот характер.

С тех пор за девятнадцать лет работы на хабаровской сцене сыграно большое количество ролей. Воробьев сохранил свою привязанность к театральной форме, к характерности. Не успокоится, пока не найдет неповторимость внешности своего героя. Через подробности грима, парик, наклейки, костюм актер всегда стремится передать особые приметы человека. Их поиску отдается много времени, труда и забот. Порой его «дотошность» даже вызывает удивление. Ох, и спокойный характер у этого Воробьева! Казалось бы, с опытом должны уже прийти спокойствие, уверенность, выработаться испытанные, проверенные временем приемы. Нет, каждый раз актер приступает к роли как будто впервые, все те же волнения, поиски, сомнения. Равнодушие, успокоенность враждебны ему. В творческую работу он вносит основательность рабочего человека, уважение к своей профессии, к зрителю. Оттого так не похожи друг на друга сценические герои Воробьева.

И все же, длительное время наблюдая за актером и его персонажами, нельзя было на каком-то этапе не почувствовать и некоторой неудовлетворенности. Профессионализм никогда не изменял ему, это всегда отмечалось театральной критикой. У Воробьева почти не бывало явных неудач. Он одинаково владел и владеет многими жанрами. В этом убеждает хотя бы сцена из спектакля «Дамы и гусары» А. Фредро, включенная в программу творческого вечера артиста, который состоялся 18 декабря. Старый Тжегош чуть ли не на коленях ползает за предметами своей любви. И та вера, с которой Воробьев оправдывает самые неленые ситуации, делает необычайно острым комический эффект сцены женихества когда-то убежденного приверженца касты холопства. Актер был не только смешон, он очень точно нес сатирический заряд роли. Но за пестрым калейдоскопом самых разных ролей, за стремлением подчас к внешнему перевоплощению как-то терялась собственная индивидуальность, личность актера, то, что принято назы-

вать своей темой в искусстве и что особенно привлекает нас в современном художнике сцены.

Между тем, когда Воробьев получал наиболее близкий ему человечески емкий драматургический материал, уже можно было увидеть (в последние годы особенно ясно) главные, наиболее существенные черты его творчества. Пусть немногословен эпизод, который играл он в спектакле «Ярость» Яновского, ставшем в свое время этапным в жизни Хабаровского театра драмы. Всего два слова в разговорном обиходе у крестьянина Мосенча: «интересно» и «понятно». Тем не менее, на скупом материале был создан законченный сценический образ. Маленький, наивно-хитроватый и недоверчивый, потрепанный годами бедняцкой жизни мужичонка предстал перед нами как определенный социальный тип. Мы видели и тягу мужика к Советской власти, и крепко укоренившийся в нем груз старой крестьянской частно-собственнической психологии.

Может показаться, что не так уж много обшего у мужика из «Ярости» и у другого героя М. Ф. Воробьева — Скворца из спектакля «Ленинградский проспект» И. Штока. У потомственного рабочего Скворца — высокое сознание, иной образ мышления. Он и на пенсии не теряет кровной связи с работой, с людьми. Ему до всего есть дело. Но вот эта неумность и сблизает сценических героев Воробьева. Способность волноваться, не быть равнодушным и безразличным к жизни, к людям, принимать близко к сердцу их дела — у Скворца это уже качества подлинной гражданственности. Причем, Михаилу Федоровичу Воробьеву свойственно раскрывать гражданственность своих героев без какой-либо громкости, с такой же простотой и глубоко человеческой интонацией, как скромен, застенчив при всей своей ершистости Скворец, как безыскусен его Терешко-Колобок, герой спектакля «Трибунал». Большим счастьем для актера стала роль в трагикомедии А. Макаенка. В ней не только наиболее полно вывились все его творческие возможности, можно сказать, что он нашел своего героя. Простой, незатраченный на вид Колобок несет в себе такой заряд духовной стойкости, и неразрывной связи с Родиной, это чувство так органично, так естественно в нем, что Терешко Воробьева воспринимается как воплощение лучших черт образа современника, его патристизма. Воробьев играет Терешко с такой подлинной самоотдачей, что происходит удивительное слияние актера и роли.

И пусть не покажется странным утверждение, что материал для воплощения роли Терешко М. Ф. Воробьев черпал не только в драматургии Андрея Макаенка, но в значительной степени в своей душе и у родных его сердцу дальневосточников. Ведь ни так же, как и белоруку Терешко, свойственна любовь к родному краю, к своей земле.

К. ДРЕРМАН.

На снимке: заслуженный артист РСФСР М. Ф. Воробьев.

Фото А. Галушко.